

DOI 10.15826/qr.2020.1.457

УДК 94(470.1/.2)+811.432.36:655.24+811.511.12:655.24

**ПОСТАВИТЬ ЛИТОВСКУЮ НАРОДНОСТЬ
НА ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ:
ЗАПИСКА КНЯЗЯ ПЕТРА СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
О ЛАТИНО-ЛИТОВСКОМ ШРИФТЕ***

Максим Крот

Южный научный центр РАН,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

**PUTTING THE LITHUANIAN NATION
ON THE RIGHT PATH OF DEVELOPMENT:
A NOTE BY PRINCE PYOTR SVYATOPOLK-MIRSKY
ON THE LATIN ALPHABET IN LITHUANIA****

Maxim Krot

Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

This article publishes a note by Prince P. D. Svyatopolk-Mirsky, governor-general of Vilna, Kovno, and Grodno between 1902 and 1904. The note focuses on a key issue of the management of the northwestern outskirts of the Russian Empire, the ban on book publication in Lithuanian printed in the Latin alphabet, which had been in use in the region since 1865. The ban was part of the policy of de-Polonisation and Russification of the northwestern region: implemented after the suppression of the Polish uprising of 1863–1864, it was aimed at protecting the local Lithuanian population from Polish influence.

---

* Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 17–78–20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

** *Citation*: Krot, M. (2020). *Putting the lithuanian Nation on the Right Path of Development*: a Note by Prince Pyotr Svyatopolk-Mirsky on the Latin Alphabet in Lithuania. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 205–221. DOI 10.15826/qr.2020.1.457.

Цитирование: Krot M. *Putting the lithuanian Nation on the Right Path of Development*: a Note by Prince Pyotr Svyatopolk-Mirsky on the Latin Alphabet in Lithuania // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 205–221. DOI 10.15826/qr.2020.1.457 / Крот М. *Поставить литовскую народность на правильный путь развития*: записка князя Петра Святополк-Мирского о латино-литовском шрифте // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 205–221. DOI 10.15826/qr.2020.1.457.

However, by the late nineteenth and early twentieth centuries, it became obvious that the measure had not justified itself, provoking mass discontent of the Lithuanian population, which had previously been completely loyal to the imperial authorities. In Russian political circles, a controversy was unfolding about the future of the Latin alphabet for publications in Lithuanian, some of which is reflected in the document published in the article. Svyatopolk-Mirsky, who had the reputation of a liberal bureaucrat, was an ardent supporter of lifting the ban, seeking to justify his position to Emperor Nicholas II and the top leaders of the empire, i. e. members of the Committee of Ministers and the State Council, on whom the decision was ultimately dependent. Published for the first time, the note is currently stored in the State Archive of the Russian Federation (GARF), fund 1729 (Svyatopolk-Mirsky). The content of the note is much wider than its original task, since it concerns not only the lifting of the ban, but also the need to revise the policies of the imperial authorities in the western periphery as a whole and abolish the *a priori* repressive and violent methods of its implementation. Also, the note examines the need for cooperation with the local community loyal to the authorities. The study of the source is of considerable interest in the context of analysis of the transformation of the imperial authorities' policy on the periphery of the empire as they faced the need to establish a dialogue with the local public and find new methods to implement their Russification policy, which was considered impossible to reject at the time. Another significant information layer in the source is the political views and features of modern management practices advocated by Svyatopolk-Mirsky, which he realised in the northwestern region and subsequently tried to transfer to the all-Russian level when serving as minister of internal affairs.

Keywords: Russian Empire; P. D. Svyatopolk-Mirsky; Vilna governor-general; northwestern region; Latin-Lithuanian font; russification.

Предлагаемая записка виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора князя П. Д. Святополк-Мирского, занимавшего данный пост в 1902–1904 гг., посвящена необходимости отмена запрета издания книг на литовском языке, отпечатанных латинским шрифтом, действовавшим в регионе с 1865 г. Данный запрет являлся составной частью политики деполонизации и русификации Северо-Западного края, реализовывавшейся после подавления польского восстания 1863–1864 гг., и служил ограничению польского влияния на литовское население. К концу XIX – началу XX в. стало очевидно, что указанная мера себя не оправдала, вызвав массовое недовольство литовского населения, прежде вполне лояльного по отношению к имперским властям. В российских политических кругах развернулась полемика о дальнейшей судьбе латино-литовского шрифта, составной частью которой является представленный документ. Князь П. Д. Святополк-Мирский, имевший реноме либерального бюрократа, был горячим сторонником снятия указанного запрета, стремясь обосновать свою

позицию перед лицом императора Николая II и членами Комитета министров и Государственного совета, от которых зависело принятие соответствующего решения. Публикуемая впервые, записка в настоящее время хранится в ГАРФ, фонд 1729 (П. Д. Святополк-Мирского). Содержание записки намного шире ее первоначальной задачи, поскольку речь идет не только о снятии запрета на использование латино-литовского шрифта, но и о необходимости пересмотра политики имперских властей на западных окраинах в целом, об отказе от априорной доминанты репрессивно-насильственных методов ее реализации, о необходимости сотрудничества с местным сообществом, лояльным властям. Изучение данного источника представляет собой значительный интерес в контексте анализа трансформации окраинной политики имперских властей, стоявших на рубеже XIX–XX вв. перед необходимостью диалога с местной общественностью и поиска новых методов реализации идеологии русификации, отказаться от которой в данный период они не считали возможным. Другим значимым информационным пластом в источнике являются политические воззрения и особенности современных управленческих практик, отстаиваемые князем П. Д. Святополк-Мирским, которые он проводил в Северо-Западном крае и впоследствии, заняв пост министра внутренних дел, попытался перенести на общероссийский уровень.

Ключевые слова: Российская империя; П. Д. Святополк-Мирский; Виленское генерал-губернаторство; Северо-Западный край; латино-литовский шрифт; русификация.

Вопрос о латино-литовском шрифте являлся составной частью комплекса проблем, связанных с управлением пестрым в этническом и конфессиональном отношении Северо-Западным краем и, в более широком значении, всей окраинной политикой Российской империи. Важнейшей задачей политики имперских властей в западных губерниях являлось противостояние мощному в материальном и культурном плане польскому влиянию, которое проявлялось в широком распространении католического вероисповедания, господстве крупного шляхетского землевладения, а также в превалировании польской культуры и языка среди местной интеллигенции. Правительственную деятельность в регионе на протяжении всей второй половины XIX в. можно охарактеризовать как «оборонительную русификацию», поскольку она была направлена на ограждение недоминирующих этнических групп региона – литовцев и белорусов от конкурирующего польского ассимиляционного проекта путем максимального дистанцирования от польской культуры.

Новым обстоятельством, усложнявшим управление данным регионом, было активное формирование на рубеже XIX–XX вв. новой литовской идентичности, не вписывавшейся в традиционные имперские представления об этнополитической структуре

края как арене борьбы польского и русского начал. Следует отметить, что в этот период российские власти считали «литвинизм» гораздо менее опасным и более управляемым явлением, нежели «полонизм», опиравшийся на мощную культурную традицию. Именно эти обстоятельства определяли общую направленность политики российской администрации в Виленском генерал-губернаторстве, главой которого 15 сентября 1902 г. был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский.

Социально-политическая обстановка в Северо-Западном крае в начале XX в. была беспокойной. Изучив полицейские обзоры о состоянии вверенных ему губерний, генерал-губернатор пришел к выводу, что основной причиной недовольства среди литовского населения края был запрет на печать литовских книг латино-литовским шрифтом, что фактически «ставило на нелегальное положение все население, так как практически у всех есть запрещенные буквари, календари или молитвенники». Эта ситуация создавала крайне благоприятную почву для антиправительственной пропаганды, дестабилизируя обстановку в регионе [ГАРФ. Ф.102. Оп. 101 (3-е делопроизводство). 1903 г. 1 ч. 23 л. А. Л. 4]. Данный запрет, по замыслам его инициаторов, должен был «содействовать поддержанию национальности» литовцев, развитию самостоятельной литовской культуры и литературы, свободной от «полонизма» [Сталюнас, с. 239–240].

Впервые идею публикации литовских переводов правительственных распоряжений кириллическим шрифтом высказал Н. А. Милютин, в 1864 г. возглавлявший гражданскую администрацию Царства Польского [Долбилов, с. 260]. М. Н. Муравьев, на которого в большинстве случаев указывают как на главного инициатора введения кириллицы для литовских изданий, испытывал сомнения относительно целесообразности данной меры, настаивая лишь на переходе к кириллице в сфере народного образования [Муравьев, с. 305]. Формально циркуляр о запрете издания и распространения в Северо-Западном крае литовских книг, напечатанных «польско-латинским алфавитом», был подписан генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом 6 сентября 1865 г. Однако содержание и сам характер этого циркуляра были направлены на то, чтобы придать ему форму простого технического воплощения идеи и «словесного распоряжения» М. Н. Муравьева, авторитет которого способствовал внедрению сомнительно целесообразного и сложно реализуемого распоряжения. Большинство современных исследователей отрицают не только факт «словесного распоряжения» М. Н. Муравьева, но и само наличие у него подобных устремлений [Сталюнас, с. 234–237].

Официальное подтверждение обязательного использования кириллицы в литовской печати на высшем уровне было сделано позднее, когда запрет уже активно применялся на практике. Высо-

чайшее распоряжение от 30 января 1866 г. обязывало печатать русским шрифтом казенные литовские издания, о частных изданиях в нем ничего не говорилось [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 82. Л. 2]. В мае 1869 г. последовало распоряжение Главного комитета по делам печати при Министерстве внутренних дел о воспрещении «печатать книги на жмудском наречии латино-польскими буквами» [РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 363. Л. 168].

Святополк-Мирский мог воочию убедиться в неэффективности и, что самое важное, в бессмысленности данного запрета, поскольку угрозы «ополячивания» литовского населения, которой он должен был препятствовать, к началу XX в. уже не существовало, а в широких народных массах распространялся «литвинизм» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 101 (3-е делопроизводство). 1903 г. 1 ч. 23 л. А. Л. 4]. Запретительные меры вызвали сопротивление литовцев и объективно усиливали осознание населением этнокультурной самобытности. Оно бойкотировало навязываемую властью кириллическую азбуку, игнорируя официально распространяемые кириллические книги на литовском языке. По инициативе Тельшевского епископа М. Валанчуса в Восточной Пруссии был налажен выпуск литовских книг на традиционной латинице, которые затем нелегально доставлялись через границу контрабандистами-«книгоношами». Несмотря на все усилия властей, поток нелегальных книг постоянно увеличивался, а конфискации и гонения дискредитировали имперские власти, выступавшие в неблагоприятной роли борцов против книг.

Для снятия этого запрета требовалась определенная политическая воля, подкрепленная четкой аргументацией, способной убедить высшие бюрократические круги. Святополк-Мирский осознавал, что проблема литовского шрифта не только является вопросом «первостепенной важности» для всего Северо-Западного края, но и имеет «государственное значение». Генерал-губернатор был сторонником поощрения литовского национального движения под контролем российской администрации, что впоследствии должно было привести к русификации литовцев в политическом и гражданском смысле при сохранении культурно-языковой национальной идентичности. В начале 1903 г. им была составлена обстоятельная «Записка по вопросу о латино-литовском шрифте», в которой он настойчиво доказывал необходимость немедленного снятия запрета на его официальное использование, приводя множество аргументов в пользу данного решения.

Содержание записки было включено в отчет князя П. Д. Святополк-Мирского о состоянии Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства за 1902–1903 гг. в виде раздела «Литовская народность» [РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352. Л. 37–42]. Данный отчет, согласно резолюции Николая II, представлявший собой «целую программу правительственной политики», был передан на рассмотрение Комитету министров [Там же. Л. 1], а также

в Министерство внутренних дел, финансов и народного просвещения, которые должны были дать оценку вносимым предложениям. Отдельные ее положения излагались генерал-губернатором в официальных обращениях к представителям высших эшелонов власти, в частности, к министру внутренних дел В. К. Плеве, от которых во многом зависело принятие окончательного решения [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83 г. Л. 44 об. –53 об.]. Желая заручиться поддержкой научного сообщества и представителей императорской фамилии, Святополк-Мирский направил экземпляр записки великому князю Константину Константиновичу, президенту Императорской академии наук, передавшему ее на рассмотрение в отделение русского языка и словесности, которое на заседании 15 марта 1903 г. полностью поддержало инициативу генерал-губернатора [Там же. Л. 75–76 об.].

Решающую роль в поддержке инициативы Святополк-Мирского сыграл министр внутренних дел В. К. Плеве, который, сопоставив все аргументы сторонников сохранения запрета латиницы (в первую очередь предыдущего виленского губернатора В. Н. Троцкого) с доводами, приводимыми в записке князя, пришел к выводу о необходимости и желательности отмены «всех ограничений на употребление латинского и иного шрифта в произведениях литовской и жмудской письменности» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83 в. Л. 305]. 13 апреля 1904 г. на заседании Комитета министров было принято положительное решение об отмене всех запретов на использование латиницы для литовской печати, а 24 апреля данное решение было утверждено Николаем II [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83 г. Л. 356–360, 338]. 1 мая 1904 г. вышел циркуляр, рассылавшийся губернаторам и другим высшим должностным лицам Северо-Западного края, в котором значилось: «В отмену всех прежде состоявшихся ограничительных постановлений и распоряжений правительства в отношении литовской и жмудской письменности, разрешить употребление в произведениях оной, сверх русского, также латинского или иного шрифта» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83 г. Л. 356–360, 231]. Действовавший почти 40 лет запрет на использование латиницы в литовской печати был официально упразднен.

Данное решение, вызвавшее бурную радость среди литовского населения, было одним из наиболее значимых результатов усилий Виленского генерал-губернатора в культурно-просветительской сфере, которую он считал одним из наиболее важных рычагов аккумуляции литовского народа (подробно о деятельности Святополк-Мирского в этой сфере см.: [Крот, с. 69–80]).

Записка Святополк-Мирского дает развернутую картину становления и развития литовской печати от ее возникновения до начала XX столетия, аргументированно обосновывая необходимость снятия запрета на использование латинско-литовского шрифта. Однако содержание записки намного шире ее непосредственной задачи, поскольку в ней автор фактически предлагает новую модель окра-

инной политики, суть которой состоит в том, чтобы российские имперские власти выступили в роли «архитекторов» нациестроительства недоминирующих окраинных этносов, которые должны стать противовесом конкурирующему влиянию альтернативных ассимиляционных проектов. Данный документ ярко иллюстрирует новый взгляд на задачи имперской политики по отношению к национальным окраинам, который, находясь в рамках традиционной для данного региона политики «деполонизации» и «русского дела», призывает к отказу от доминирования репрессивных методов ее реализации, заменяя их новой диалогово-компромиссной формой управленческой практики.

Важным информационным пластом, содержащимся в данном источнике, являются политические воззрения и современные управленческие траектории, отстаиваемые ярким и неординарным представителем либеральной бюрократии начала XX в. В августе 1904 г. Святополк-Мирский был назначен на пост министра внутренних дел, положив начало разработке программы широких политических преобразований, связанных с привлечением общественных сил к управлению страной. Краткое пребывание князя на данном посту было названо современниками «правительственной весной» или «эрой доверия» власти к общественным силам. Знакомство с воззрениями князя, его представлениями о желательном характере взаимодействия с общественностью, изложенными в предлагаемой записке, хотя и в рамках решения конкретных региональных проблем, имеет значительный интерес для понимания той политической программы, которую Святополк-Мирский стремился реализовать на общероссийском уровне накануне революции 1905–1907 гг.

Записка представляет собой текст, распечатанный типографским способом на сшитых листах, экземпляр которой хранится в ГАРФ в фонде П. Д. Святополк-Мирского [ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 238], а также в РГИА, в фонде Департамента общих дел МВД [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83 г. Л. 67–74 об.] Еще один экземпляр записки, направленный 22 августа 1903 г. российскому и литовскому ученому-лингвисту Э. А. Вольтеру по его просьбе с сопроводительным письмом управляющего канцелярией виленского генерал-губернатора А. Харузина, обнаружен в библиотеке Академии наук [Книжно-иллюстративная выставка]. Настоящая публикация осуществлена по экземпляру, хранящемуся в ГАРФ, в соответствии с требованиями к изданию исторических документов [Правила издания исторических документов в СССР]. Стилистические и фонетические особенности документа сохранены, орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами русского языка. Подстрочные примечания принадлежат автору записки. Документ публикуется впервые.

**1903 г. – Записка Виленского, Ковенского и Гродненского
генерал-губернатора кн. П. Д. Святополка-Мирского
по вопросу об использовании латино-литовского шрифта
в Северо-Западном крае**

**(Л. 1) // Записка Виленского, Ковенского и Гродненского
генерал-губернатора по вопросу о латино-литовском шрифте.**

Войдя в подробное рассмотрение вопроса о шрифте литовских изданий, считаю своим долгом заявить, что я тому или другому решению этого вопроса придаю значение государственной важности. Что касается Северо-Западного края, то вопрос о литовском шрифте имеет здесь первейшее значение, и направление его определяет правильность постановки всей политики.

Выступив поздно на арену европейской истории, литовцы, вооруженные слабыми культурными средствами, поддаются под влияние русских, германских и польских соседей. При этих условиях жизнь литовского племени как нации делается немыслимой. Литва становится уделом в большей своей части Русского государства. Исторические невзгоды последнего дают временный перевес Польше. Падением же ее объединяется почти вся литовская территория с Державой России. В настоящее время лишь незначительная сравнительно часть литовцев (около 500.000 д.) обитает в Пруссии, коренная же масса литовского народа (свыше 2.000.000 д.) составляет русских подданных.

В этом обстоятельстве заключается существо литовского вопроса. Общее возбуждение к образованию, охватившее Европу в XVI в., не осталось бесследным и для литовского народа. Как во многих других местностях того времени, так и в Литве появляются народные деятели. Они кладут (Л. 1 об.) // начало к развитию литовской литературы. В 1547 г. появляется первая литовская книга¹. За ней следуют другие, и к началу XVII века насчитывается не менее 17 литовских книг. В следующее пятидесятилетие выходят в свет новые 18; к началу XVIII века – еще 16. В первую половину XVIII в. издаются 28 литовских книг, а во вторую – свыше 60. Столь медленное до XIX столетия развитие литовской книги и, следовательно, литературы объясняется теми тяжелыми условиями, в которых они находились. Литовская книга подвергается резкому преследованию с момента ее появления в середине XVI века. В это время книга конфисковывалась, уничтожалась. Кем это уничтожение производилось – неизвестно. Можно, однако, по примеру других местностей Европы предполагать, что главными гонителями литовской книги являлись лица римско-католического духовенства. Их вынуждало к этому небезосновательное опасение, что с развитием народно-литовской литературы в Литве пошатнется интернациональная Римская церковь в пользу протестантизма.

Литовская книга со времени ее возникновения в середине XVI века печаталась не иначе как латинскими буквами, иногда готическим спо-

собом их изображения. Однако уже в XVI веке литовским литераторам сделалось ясно, что латинский алфавит не в состоянии передать характерные литовские звуки. Поэтому литовцы, приспособив указанный алфавит к особенностям родного языка, быстро выработали свой алфавит, который справедливее всего назвать латино-литовским. Только шрифт этого рода, а не латино-польский, как ошибочно думают многие, мог передавать характерные для литовского языка долгие гласные, дифтонговые и носовые звуки. Идя по пути развития своего шрифта, литовцы ввели в латинский алфавит ряд знаков этому алфавиту, в применении его к польскому языку не свойственных².

Выше указано, что литовская литература развивалась до XIX века хотя и упорно, но медленно. В последнем означенном столетии дело издательства литовской книги (*Л. 2*) // резко меняется: в первую половину XIX века появляется в свет до 200 литовских книг, а во вторую – до 1000. Начиная со второй трети указанного столетия к литовским книгам присоединяются периодические издания, общее число которых превышает в настоящее время число 30.

С XVI по вторую половину XIX в. громадное большинство литовских книг печаталось на территории современных русских владений. Хотя уже в первое время развития литовских книг часть их выходила в Кёнигсберге и Тильзите, но центром литовской печати была с давних времен Вильна как культурно-исторический центр литовского племени. Кроме Вильны, литовские книги печатались в Кейданах, Супрасле, Двинске, Сувалках, а также в Риге и Митаве.

Таким образом, возникшая в XVI веке литовская литература, идя по пути своего естественного развития, держалась в пределах той территории, которая населена главной массой литовского племени. Россия, приобретя эту территорию и включив большую часть литовского народа в число своих подданных, имела полную возможность руководить развитием литовцев без ущерба для общих государственных интересов³.

Эти благоприятные условия резко изменяются со времени запрещения печатать литовские книги латино-литовским шрифтом. Запрещение это не основано на каком-либо законе и не прошло в законодательном порядке. Высочайшее повеление 30 января 1866 года вменяет в обязанность печатание русским шрифтом лишь казенных литовских изданий⁴. Что касается изданий частных, то требование печатать их русским шрифтом впервые предъявлено в 1864 году бывшим генерал-губернатором Северо-Западного края графом Муравьевым⁵. Мысли, которыми в данном деле руководствовался гр. Муравьев, заключались в сознании необходимости освободить от польского влияния коренное литовское население. Сознание этой необходимости нельзя не признать правильным. (*Л. 2 об.*) // Но средство, избранное для достижения цели, совершенно ошибочно. Главнейшая ошибка заключалась в предположении, что литовцы употребляют в письменности латино-польский шрифт. Нельзя далее не признать за ошибку и то, что

совершенно не было принято во внимание наличное развитие литовской литературы. Конечно, литература эта, насчитывавшая в то время лишь несколько сот книг, не была богата. Но суть заключалась в интенсивности хода ее развития на началах уже столетиями усвоенного латино-литовского шрифта. Надлежало, казалось бы, иметь в виду, что шрифт сам по себе, не меняя языка, не в состоянии при латинском способе писания ополячить литовцев, а при русском – обрусить народ. Национальное свойство последнего, очевидно, определяется языком, а не шрифтом. Однако при скудности культурных средств, которыми мы обладали в 60-х годах, при убогости наличного тогда народного образования на русских началах, при несколько легковесном в то время отношении к требованиям филологии высшей администрации Северо-Западного края представлялось возможным достигнуть блестящих в смысле русского влияния результатов и путем внедрения русского шрифта в литовскую литературу. Мысли администрации были укреплены мнением ученых – Гильфердингом⁶ и Микуцким⁷ – и представлялись поэтому тем более правильными. Первым из них был составлен русский «букварь» для латышского языка в пределах Витебской губернии, а вторым – для литовского языка. Административная мера, принятая графом Муравьевым, была подтверждена генерал-губернатором фон Кауфманом⁸ в 1865 году. В дальнейшем мера эта сохранила свою силу, по-видимому, более по инерции. Правда, вопрос об отмене указанных распоряжений подымался неоднократно, но вопрос этот не подвергался серьезному обсуждению⁹. Сторонниками русского шрифта в литовском языке¹⁰ настойчиво указывалось, что Северо-Западный край исторически русский и должен оставаться таковым, причем совершенно упускалось из вида, что русский шрифт ни на йоту не меняет литовского языка и что последний, (Л. 3) // несмотря ни на какой алфавит, остается литовским, ничего общего не имеющим с языком русским.

В настоящее время истекает четвертое десятилетие со времени издания графом Муравьевым запрещения печатать литовские книги латино-литовским шрифтом. Срок этот достаточен, чтобы точно определить, чего предпринятая мера достигла, является ли она целесообразной, и правильно ли ее дальнейшее сохранение.

Из изложенного явствует, что запретительная мера застигла литовскую литературу в момент начала ее сильного развития. Последнее не было остановлено запрещением. Напротив, литовская литература выражается во второй половине XIX в. числом книг, в пять раз превышающим число изданных в первую половину XIX столетия. Но старые очаги литовской литературы (Вильна, Кейданы, Двинск и т. п.) гаснут; возникают новые: Тильзит, Мемель, Битены и Прекуль в Восточной Пруссии. Таким образом, центр литовской литературы переносится с нашей почвы, на которой, как указано, существует свыше 2.000.000 литовцев, на почву соседней державы, насчитывающей не более 500.000 душ литовской народности. Мало того, с раз-

витиём эмиграции в Америку в этой стране литовцы образовали колонию в 300.000 душ, сосредоточившую, в свою очередь, народную литературу.

Тем временем, когда за границей нашего государства естественно развивалась литовская литература (латино-литовским шрифтом), порождая сотни и сотни книг, вызывая к жизни десятки периодических изданий, у нас на Руси насаждалась своеобразная литовская книга русского шрифта правительственного издания. Несколько десятков молитвенников и календарей – вот все, что удалось противопоставить зарубежным изданиям. Это вполне понятно. Нигде и никогда литература не создавалась правительством. Развиваясь в связи с общим духовным ростом народа, литература всецело принадлежит обществу. Правительство может поощрять, даже направлять литературу, а не творить ее. (Л. 3 об.) // Несмотря на все запретительные меры, принятые в отношении латино-литовского шрифта, несмотря на казенные издания русским шрифтом, шрифт этот литовцам не привился. Правительственные издания, продававшиеся за бесценок, раздававшиеся даже даром, не расходились. По частному почину в России изданы лишь две-три литовские книги русским шрифтом, книги, не имевшие сбыта. Заграничные же издания, несмотря на дороговизну их, невзирая на риск, сопряженный с их контрабандным водворением, несмотря на конфискацию их*, штрафы, возлагаемые на держателей латино-литовских книг, аресты их сбытчиков, распространяются в Северо-Западном крае десятками тысяч¹¹.

С этим явлением необходимо считаться; его необходимо правильно объяснять.

Считаться с этим явлением необходимо потому, что оно затрагивает жизнь и интересы целой народности, народности, в главной своей массе принадлежащей к России. Сторонники русского шрифта в литовском алфавите указывают, что шрифт этот не привился потому, во-первых, что противниками являлись ксендзы – руководители литовского народа, во-вторых, потому, что средства, отпускавшиеся на издание литовских книг, были недостаточны, наконец, потому, что в издававшиеся правительством литовские римско-католические молитвенники (русского шрифта) вносились начала, чуждые и противоречащие даже началам учения Римской церкви. Объяснения эти нельзя считать вполне правильными. Нет сомнения в том, что употребление литовских молитвенников русского шрифта для антикатолической пропаганды, немедленно открытой литовским духовенством, дало этому духовенству в руки (Л. 4) // новое оружие для борьбы с правительственными литовскими изданиями. Но не может быть сомнения и в том, что главный неуспех русского шрифта и, сле-

---

* На таможне литовских книг конфисковано: в 1891–1893 гг. – 37.718; в 1894–1896 гг. – 40.335; в 1897–1899 гг. – 39.024, и в 1900–1902 гг. – 56.182. Число конфискованных книг полицией не приведено в известность (выделено мною. – М. К.).

довательно, казенных изданий заключается в том, что этот шрифт, запоздавший по сравнению с латино-литовским на три столетия, вводится в литовскую письменность тогда, когда литовская народность, создав свою литературу, развивала ее всеми своими духовными силами. Запрещение латино-литовского шрифта могло изгнать и действительно изгнало литовское издательство из России, но не было в состоянии погасить уже развившуюся народную письменность. Неудача русского шрифта всего меньше стоит в связи с недостаточностью ассигнованных на издания средств. Выше указано, что даже при даровой раздаче литовских книг русского шрифта издания не расходятся*. Увеличение средств и усиление изданий лишь увеличили бы число не разошедшихся экземпляров. Ксендзу-литовцу как противнику русского шрифта следует придать более глубокое, чем то обычно принято, значение. Ксендз литовской народности олицетворяет образованный класс. Происходя исключительно из крестьянской среды, преданный и Римской церкви, но еще более своей народности, он естественно сохраняет ее всеми мерами. Среди последних главное место занимает, как то вполне понятно, культивирование (*Л. 4 об.*) // литературного языка, вылившегося в течение столетий в латино-литовском шрифте. При этом само собою разумеется, что ксендз не может не содействовать ввозу заграничных литовских изданий, ибо только за рубежом, в Пруссии и Америке, существует литовское издательство. В этом издательстве участвуют русские литовцы (и в первую из них очередь ксендзы) едва ли не в большей степени, чем литовцы зарубежные.

Литовское племя стало во второй половине XIX в. в новую фазу своего развития. До того все поднимавшиеся по культурной лестнице слои литовского населения сливались с польской народностью. 1863 год, сломивший польское господство в Северо-Западном крае, в значительной степени освободил литовский народ¹². С этого преимущественно времени приостанавливается процесс ополячения литовцев: они идут по пути саморазвития. Степень последнего отражается и на усиленном развитии литовской литературы, на числе издающихся литовских книг. Ни литовцы-народники, ни польские политики не усматривали и не усматривают в латино-литовском шрифте элемента для ополячения литовцев. Напротив того, поляки-националисты видят для себя опасность именно в латино-литов-

---

* Ныне даже те лица, которые в свое время принимали горячее участие в введении русского алфавита в литовскую книгу, совершенно разочарованы в результатах предпринятой меры. Тем более удивляться можно, как некоторые из сторонников русского шрифта по настоящее время склонны верить, будто литовцы-простолудины пользуются этим шрифтом в частной переписке на литовском языке. Указывают, между прочим, будто солдаты-литовцы пишут родными литовскими письмами русскими буквами. Это мнение основано на недоразумении. Русские буквы применяются в литовских письмах лишь в тех случаях, когда неграмотный солдат-литовец поручает писать письмо грамотному солдату-русскому, диктуя ему письмо по-литовски. Такие письма, неудобочитаемые, разбираются с трудом деревенской интеллигенцией.

ском шрифте потому, что господство его знаменует развитие литовской литературы, а, следовательно, и народности. Поэтому введение русского шрифта, сколь безуспешно оно ни было бы, имеет с точки зрения польских интересов положительные стороны: шрифт этот настраивает литовцев против русского правительства, а, следовательно, облегчает и объединение, и слияние литовцев с поляками.

С польскими националистическими явлениями нельзя не считаться. Польский народ имел свою и политическую, и культурную историю. Польша – это древний соперник Руси. Многовековая культурно-политическая борьба между русскими и поляками не получила своего завершения. Упорным трудом в Северо-Западном крае достигнуто уже многое в отношении слияния этого «забранного», с польской (Л. 5) // точки зрения, края с коренной Россией. Необходимо в дальнейшем определенно и твердо ввести местное население в круг общих интересов Русского государства. С этой целью необходимо правильно руководить культурно подрастающий литовский народ, эту прочную здоровую расу, составляющую почти 1/3 всего населения Северо-Западной Руси. В этих видах необходимым представляется руководить духовным развитием литовской народности, в настоящее время совершенно утекающим из рук правительства. Между тем, ныне ум литовца питается исключительно теми печатными произведениями, которые как издания зарубежные и ввозимые контрабандным путем совершенно не рассматриваются нашей цензурой и, следовательно, никак не руководятся нашим правительством. Литовские песни, учебники языка, истории, географии, руководства по сельскому хозяйству, домоводству, ремеслам и т. п., не говоря уже об изданиях нелегального свойства и направленных непосредственно против нашего правительства, распространяются десятками тысяч, служа хорошим источником дохода для многих лиц, до полицейских чинов включительно. Нет сомнения, что с разрешением латино-литовского шрифта в России возникнет своя литовская литература. Она будет конкурировать с заграничною; ею можно руководить, развивая в соответствии с целями и видами правительства. Эта литература, направляемая цензурой, а наряду с этим русская школа не могут не повернуть взглядов литовского народа с Запада на Восток. Усматривать в саморазвитии литовцев какой-либо опасности для государственных целей России нет ни малейших оснований. Литовская народность есть народность без всяких исторических и культурных традиций. Этим, а равно малочисленностью и принадлежностью к нашему государству, предрешается историческое будущее – войти в общий состав населения России. Судьба литовского племени предрешена историей, как и судьба эстонской, латышской и т. п. народностей, не создавших своего культурного прошлого.

(Л. 5 об.) // Современное положение литовской народности в России, и в частности во вверенном моему управлению крае, должно считаться совершенно ненормальным. Общность церкви, к кото-

рой она принадлежит, с церковью, в лоне которой состоит польская народность, дает руководителям последней значительный перевес над мало (сравнительно) цивилизованным литовским народом. Назначение духовных начальств из польской народности, в крайнем случае из литовцев, с польской точки зрения благонадежных, уже издавна превратило Римскую церковь в надежное орудие колонизации и сделало эту церковь в Северо-Западном крае синонимом польской народности. Располячение Западной церкви является в высочайше вверенном мне крае насущною современною задачею. Обстоятельства времени складываются для этого ныне весьма благоприятно. Систематическое преследование литовской народности со стороны польской дискредитировало последнюю в глазах, можно сказать, всего литовского народа. Преследование со стороны польско-католических начальств литовского языка в костеле при проповеди и исповеди, насильственная замена литовской песни польской, преследование литовской книги, перевод неблагонадежных, с польской точки зрения, литовских ксендзов в глухие и малоодоходные приходы заставляют литовцев смотреть на русское правительство как на единственную свою опору. Польская противоправительственная пропаганда достигла среди литовцев немалых результатов, запрещение латино-литовского шрифта и развитие зарубежной литовской литературы имели свое крайне неблагоприятное, с государственной точки зрения, действие, но чувство преданности к России еще живо в литовском населении. Дальнейшее развитие этой преданности всецело зависит от самого правительства. Цель в данном случае достижима, конечно, не утеснениями, а правоммерным, соответственным с социальными законами развитием народа. При дальнейшем сохранении установившегося порядка отношения власти и вопросу о латино-литовском шрифте, по моему глубокому убеждению, могут появиться в отношении всего (Л. 6) // литовского населения такие осложнения, последствия которых вызовут для правительства серьезные затруднения.

К изложенному считаю долгом присовокупить, что ныне в распоряжении правительства, и в частности местной администрации, не имеется действительных средств для борьбы с ввозимой из-за границы литовской книгой. Поэтому борьба является совершенно бесцельной, вызывая озлобление народонаселения, развращая его тайным сбытом книги и вынуждая его к расходу весьма крупных средств на приобретение дорогостоящих контрабандных книг. Развращение населения усиливается и тем обстоятельством, что при преследовании латино-литовского шрифта с насильственным навязыванием книг русского шрифта наличность этих книг служит видимым признаком кажущейся благонадежности. По существу дела, является совершенно безразличным, кто поддерживает книги латино-литовского шрифта – ксендз или сам народ, так как решение вопроса в пользу этого шрифта определяется непреодолимостью

современного усиливающегося в его пользу течения. Ныне, когда процесс ополячения литовцев идет явно на убыль, наступило время окончательного обрусения местной школы. При этом обрусение утрачивает всякое значение вопроса об утеснении литовского языка вне школы, так как обрусение народа пойдет само собой. Что же касается русского шрифта, то он, не имея, по моему убеждению, никакого отношения к языку как к таковому, не заглушил даже развитие литовской литературы, которая, продолжая развиваться, лишь передвинулась с Востока – из наших пределов – на Запад – в Пруссию, снабжающую, как и Америка, наших литовцев книгами, утекающими из-под надзора правительственной власти.

На основании всего вышеизложенного я признаю не только своевременным, но и настоятельно необходимым освободить латино-литовский шрифт от каких бы то ни было запрещений и стеснений, разрешив в России печатание этим шрифтом литовских книг и периодических (*Л. 6 об.*) // изданий всякого рода. Правительство наше никогда не признавало нужным воздействовать на шрифт языка наших инородцев. Лишь в отношении литовского племени было допущено изъятие, ничем этим народом не заслуженное и не вызванное и никаких, кроме отрицательных, результатов не достигшее. Обращаясь в заключение к Высочайшему повелению 1866 года о печатании казенных литовских изданий исключительно русским шрифтом, я полагаю, что оно при рассвобождении латино-литовского шрифта в частных изданиях утратит всякое значение, тем более что столь авторитетное правительственное учреждение, как Императорская академия наук, пользуется при издании литовских книг исключительно латино-литовским шрифтом. Поэтому, по моему мнению, помянутое высочайшее повеление подлежит отмене, так как эта отмена является логическим последствием разрешения латино-литовского шрифта. Общим разрешением употреблять латино-литовский шрифт разрешается сам собою и вопрос о ввозе литовских заграничных изданий. Ввоз этот подлежит упорядочению на общих, существующих для заграничных изданий основаниях. Снятие запрещения с латино-литовского шрифта поставит литовскую народность на правильный путь развития. Оно упростит многие из современных вопросов политики в Северо-Западном крае и облегчит задачи управления, так как внесет в двухмиллионное литовское население тот мир, в котором столь нуждается вверенная мне монаршею волею окраина.

Генерал-лейтенант кн. Святополк-Мирский.
Управляющий канцелярией Ал. Харузин
[ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 238. Л. 1–6 об.].
Подлинник

Комментарии

¹ Первая литовская книга, изданная в 1547 г. в Кёнигсберге, называлась «Простые слова катехизиса, легкая и скорая наука чтения и письма» и принадлежала перу Мартинаса Мажвидаса, литовского первопечатника и писателя. Книга была написана на жемайтском наречии литовского языка.

² Первая грамматика литовского языка была издана в 1653 г. в Кёнигсберге литовским духовным писателем Даниилом Клейном. В ней содержалось систематическое описание грамматического строя литовского языка и вводился ряд букв, дополняющих латинский алфавит, некоторые из которых сохранились в литовском алфавите по настоящее время.

³ Вильно, Ковно и большая часть территории современной Литвы вошли в состав России в 1795 г. после третьего раздела Речи Посполитой.

⁴ Автор не упоминает о распоряжении Главного комитета по делам печати при Министерстве внутренних дел о запрещении печати литовских книг «латино-польскими буквами» и ввоза их из-за рубежа, следовавших в мае 1869 г.

⁵ Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) – российский военный, государственный, общественный деятель. В 1863–1865 гг. занимал пост виленского, гродненского и минского генерал-губернатора и командующего войсками Виленского военного округа. Принимал решительные и жесткие меры по подавлению польского восстания 1863–1864 гг. в Северо-Западном крае. Являлся сторонником русификации и ослабления польского влияния в крае, в целях которого выступил в 1864 г. с инициативой введения кириллической азбуки в литовскую печать применительно к отдельным категориям изданий.

⁶ Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) – российский ученый-филолог, фольклорист, славяновед, член-корреспондент Петербургской академии наук. Являясь сторонником панславизма, близкий к славянофильским кругам, ученый выступал за «приобщение» литовского народа к «русскому миру», в том числе путем перевода литовского языка на кириллицу.

⁷ Микуцкий Станислав Павлович (1814–1890) – российский ученый-филолог, балтист, ведущий российский специалист в области сравнительного языкознания. В 1862–1864 гг. им был разработан вариант кириллического шрифта для литовского языка, официально утвержденный российскими властями, на основе которого в 1864 г. был напечатан литовский букварь «Абецеле жемайтишкай-летувишка».

⁸ Фон Кауфман Константин Петрович (1818–1882) – российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант. Был преемником М. Н. Муравьева на посту генерал-губернатора Северо-Западного края и командующего войсками Виленского военного округа, занимая эти должности в 1865–1867 гг. В сентябре 1865 г. подписал циркуляр о запрете издания и распространения в Северо-Западном крае литовских книг, напечатанных латинским шрифтом.

⁹ С инициативой отмены запрета на публикацию литовских книг латинским шрифтом в 1890-е гг. выступали ковенские губернаторы С. П. Суходольский и А. П. Рогович.

¹⁰ Главными сторонниками использования кириллицы в литовском языке были попечитель Виленского учебного округа (ВУО) И. П. Корнилов и его сотрудник, инспектор ВУО по Ковенской губернии Н. Н. Новиков, а также виленские генерал-губернаторы П. В. Оржевский и В. Н. Троцкий.

¹¹ Нелегальная доставка литовских книг, напечатанных латинским шрифтом в Восточной Пруссии или США, осуществлялась книгоношами, переправлявшими их через границу и распространявшими среди литовского населения Северо-Западного края. Согласно современным подсчетам, только в Пруссии за период с 1865 по 1904 г. было отпечатано 1830 изданий общим числом около 6 млн экз., из которых лишь 8–10 % конфисковывались властями.

¹² Речь идет о Польском (Январском) восстании 1863–1864 гг., после подавления которого российские власти проводили активную политику деполонизации Северо-Западного края.

Список литературы

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 101 (3-е делопроизводство). 1903 г. л. ч. 23 л., А; Ф. 1729. Оп. 1. Д. 238.
 Долбилов М. Д. Превратности кириллизации: запрет латиницы и бюрократическая русификация литовцев в Виленском генерал-губернаторстве 1864–1882 гг. // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 255–296.

Книжно-иллюстративная выставка «Русско-литовские научные связи: вторая половина XIX – первая половина XX в.» // Библиотека Академии наук : [официальный сайт]. URL: http://www.rasl.ru/science/18_Exhibitions/russko_litovskie_nauchnye_svyazi_fotogalery.php (дата обращения: 29.07.2019).

Крот М. Н. «...Внимательно и благожелательно прислушиваясь к истинным потребностям северо-западной Руси» : (Культурно-просветительская деятельность князя П. Д. Святополк-Мирского на посту Виленского генерал-губернатора). // *Вестн. Омск. ун-та. Сер. Исторические науки*. 2019. № 1 (21). С. 69–80. DOI 10.25513/2312–1300.2019.1.69–80.

Муравьев М. Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края // *Старина и новизна* : Исторический сборник. Кн. 2. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1898. С. 300–312.

Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Глав. архив. упр. при СМ СССР, 1990. 83 с.

РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352; Ф. 1284. Оп. 190. Д. 82; Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83б–83г.

Сталюнас Д. Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 225–254.

References

Dolbilov, M. D. (2005). *Prevratnosti kirillizatsii: zapret latinitsy i byurokraticheskaya rusifikatsiya litovtsev v Vilenskom general-gubernatorstve 1864–1882 gg.* [The Vicissitudes of Cyrillisation: The Latin Ban and the Bureaucratic Russification of the Lithuanians in the Vilna Governorate General, 1864–1882]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 255–296.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 102. List 101 (3-е делопроизводство). 1903 Year. Part 1. 23 list., A; Stock 1729. List 1. Dos. 238.

Knizhno-illyustrativnaya vystavka “Russko-litovskie nauchnye svyazi: vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.” [Book and Illustration Exhibition “Russo-Lithuanian Scholarly Contacts: Second Half of the 19th – First Half of the 20th Centuries”]. In *Biblioteka Akademii nauk* [site]. URL: http://www.rasl.ru/science/18_Exhibitions/russko_litovskie_nauchnye_svyazi_fotogalery.php (mode of access: 29.07.2019).

Krot, M. N. (2019). “...Vnimatel'no i blagozhelatel'no prishushivayas' k istinnyim potrebnostyam severo-zapadnoi Rusi”. (*Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatelnost' knyazyazya P. D. Svyatopolk-Mirskogo na postu Vilenskogo general-gubernatora*) [“...Attentively and Benevolently Listening to the True Needs of Northwestern Russia”. (The Cultural and Educational Activities of Prince P. D. Svyatopolk-Mirsky as Vilna Governor-General)]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*. No. 1 (21), pp. 69–80. DOI 10.25513/2312–1300.2019.1.69–80.

Murav'ev, M. N. (1898). *Zapiska o nekotorykh voprosakh po ustroistvu Severo-Zapadnogo kraja* [Note on Some Issues of the Structure of the Northwestern Territory]. In *Starina i novizna. Istoricheskii sbornik*. Book 2. St Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha, pp. 300–312.

Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR [Rules for Publishing Historical Documents in the USSR]. (1990). 2nd Ed., Upd. Moscow, Glavnyi arkhiv upravleniya pri Sovete ministrov SSSR. 83 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 560. List 26. Dos. 352; Stock 1284. List 190. Dos. 82; Stock 1284. List 190. Dos. 83b-83g.

Stalyunas, D. (2005). *Identifikatsiya, yazyk i alfavit litovtsev v rossiiskoi natsional'noi politike 1860-kh godov* [Identification, Language and Alphabet of Lithuanians in the Russian National Politics of the 1860s]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 225–254.

The article was submitted on 30.07.2019